

В этот момент ему очень хотелось снова подраться с Цинь И, но, если бы он начал, то, скорее всего, оказался бы в больнице. Цинь И обычно не сдерживался в ударах, и теперь, когда он остыл, боль в бедре и спине уже давала о себе знать.

Цинь И, видя, как Лю Шу выглядит обиженным, но ничего не может с этим сделать, почувствовал еще большее удовлетворение. Его улыбка стала еще шире, и для Лю Шу это было очередным ударом.

Лю Шу с отчаянием опустил голову и медленно пошел вниз по горе.

После обеда внезапно добавили сцену с дракой. На сцене Лю Шу был одет в черно-зеленый костюм, его лицо скрывала черная вуаль. Сначала он размялся, пнул ногой, взял палку и начал размахивать ею.

Внезапно он бросил палку в сторону и устремил взгляд на зрительный зал. В зале не было ни одного зрителя, только ряды аккуратных скамеек и столов.

Глядя на пустую сцену, он почувствовал, что в его сердце скрывается многое. Он вздохнул, подошел к центру сцены, поднял руки, выпрямился и запел. Его голос звучал естественно, и он спел несколько отрывков из роли хуадань.

Когда песня достигла кульминации, Лю Шу остановился, думая о чем-то. Чем больше он думал, тем больше запутывался, и его брови сдвинулись.

— Возможно, это последний раз, когда я стою на этой сцене.

Цинь И, одетый в темно-фиолетовый костюм, с волосами, собранными в пучок и закрепленными деревянной шпилькой, подошел к сцене с мечом в руке. Лю Шу поднял на него взгляд, пытаясь улыбнуться, но улыбка не получалась. Его глаза полуприкрылись, в них стало меньше печали, и они холодно смотрели на Цинь И.

На лице Цинь И не было эмоций. Он отвел взгляд и громко сказал:

— Уходи отсюда.

— Старший брат сказал, что я человек из мастерской. Ты тоже им веришь?

— Я не знаю.

Цинь И подошел ближе, понизив голос:

— Теперь ты больше не принадлежишь Лотосовому трону. Возвращайся туда, откуда пришел.

Лю Шу закрыл глаза, усмехнулся и опустил голову, а затем резко поднял ее, глядя в небо. Его взгляд был растерянным и немного печальным.

— Старший брат...

Лю Шу посмотрел на Цинь И, тихо позвав его, но Цинь И холодно отверг:

— Я больше не твой старший брат. Никто из Лотосового трона больше не имеет к тебе отношения. Куда ты пойдешь и кем станешь, решай сам.

Лю Шу изменил выражение лица, в его глазах появился гнев, и он медленно сошел со сцены.

— Ты никогда мне не верил, не хотел выслушать? Даже если... даже если я действительно человек из мастерской, разве годы, проведенные вместе, не дают тебе права выслушать мои оправдания?

Цинь И посмотрел прямо на Лю Шу, в его взгляде была тень недоброжелательности, и он тихо сказал:

— Какие оправдания могут быть у этой грязной мастерской Сяо? Если ради выживания, то они все с руками в крови, делают то, что не подобает человеку. У них давно нет человечности, как им можно верить?

Лю Шу смотрел на Цинь И, и чем больше он смотрел, тем больше злился. Личные обиды смешались с эмоциями персонажа, и он на мгновение забыл о присутствующих, забыл, что все смотрят на него.

— До Цюэ, если ты выгоняешь меня, хорошо, я уйду. Годы братства, видимо, помню только я. Мне нечего скрывать.

Лю Шу подошел к Цинь И, снял вуаль и повернулся спиной к камере.

Камера не могла снять лицо Лю Шу, только то, как Цинь И смотрит на него. Лю Шу провел левой рукой по левой щеке, и на экране было видно, что на щеке есть татуировка в виде бутона цветка кампсиса размером три сантиметра.

— Внешние люди видели только цветы кампсиса, но никогда не видели и не знали его бутонов.

Эти слова стали откровением. Цинь И сразу же замахнулся мечом на Лю Шу, но тот быстро увернулся, подпрыгнул на тросах и засмеялся.

— Это не семейный обычай, который нужно скрывать. Татуировку сделали, чтобы скрыть родимое пятно, чтобы мать не нашла. Я скрывал это много лет, думал, что смогу избежать этой участи, быть с тобой как братья до конца дней. Но теперь я вижу, что это была лишь иллюзия, лишь мечта!

Лю Шу выкрикнул последние слова, и прежде чем Цинь И успел снова замахнуться мечом, он уже спрыгнул со сцены, снял тросы и выбежал из Лотосового трона.

Лю Шу, пробежав до ворот, услышал, как режиссер кричит «Снято!». Он вернулся на сцену, где его похвалили, а затем отвели переодеться и снова нанести макияж.

В гримерной Лю Шу и Цинь И сидели рядом, оба с мрачными лицами, не говоря ни слова. Две гримерши, чувствуя неловкость, на мгновение вышли под предлогом, что им нужно что-то взять.

Гримерша с круглым лицом и короткими волосами, в маске, шепнула другой гримерше с лицом овальной формы, маленькими глазами и волнистыми волосами:

— Они так глубоко вошли в роль, что даже после съемок не могут говорить, лица такие мрачные.

Гримерша с овальным лицом не осмелилась обернуться и тихо ответила:

— Это не то, что мы можем понять. Возможно, актеры такие.

Как только гримерши вышли, Цинь И обернулся и посмотрел на Лю Шу. Лю Шу, увидев его выражение в зеркале, тоже посмотрел на него. Чем больше они смотрели друг на друга, тем больше злились. Цинь И, устав от этого, тихо сказал «бестолочь» и вышел из гримерной.

Лю Шу, услышав, как Цинь И его обзывает, широко раскрыл глаза, собираясь ответить, но тот уже был у двери. Гримерши как раз вернулись и, встретив Цинь И, сказали, что макияж еще не закончен. Цинь И объяснил, что в комнате душно, и гримерша с овальным лицом последовала за ним, чтобы закончить макияж снаружи.

Гримерша с круглым лицом сначала чувствовала себя неловко, глядя на Лю Шу, но потом засмеялась. Ее глаза сверкнули, и Лю Шу не смог больше держать мрачное выражение, тоже засмеявшись. Смех немного поднял ему настроение.

— Что случилось между тобой и Цинь И?

Во время макияжа гримерша с круглым лицом иногда заговаривала о Лю Шу и Цинь И. Лю Шу не хотел много говорить, просто сказал, что ничего.

Режиссер, который раньше был предвзят к Лю Шу, подошел к нему, поставил стул рядом и начал разговор. Он сказал, что у Лю Шу и Цинь И сегодня должна была быть еще одна совместная сцена, последняя для Лю Шу. Но из-за того, что у Цинь И были другие съемки, ее пришлось отложить, и теперь время съемок зависит от Цинь И.

Лю Шу кивнул, соглашаясь с режиссером, и тот снова его похвалил.

— Когда я пришел, я слышал о тебе и специально посмотрел сериал с госпожой Е Си. Твой голос идеально подошел, ты молодец!

Режиссер, радуясь, вспомнил одну вещь и с сожалением опустил уголки губ:

— Честно говоря, в актерской игре ты выглядел неестественно, и я был разочарован. Очень разочарован!

Лю Шу усмехнулся и тихо извинился. Он не мог ничего поделать, он просто не привык действовать перед камерой. Хотя раньше он участвовал в массовках, но практически не попадал в кадр.

— Твои сцены скоро закончатся, и я несколько раз просмотрел то, что ты снял. Ты действительно стал лучше. Это из-за того, что ты жил в одной комнате с Цинь И и иногда общался с ним?

Режиссер с ожиданием посмотрел на Лю Шу, его лицо сияло улыбкой.

Лю Шу нахмурился и прямо ответил, что нет, что заставило режиссера тоже нахмуриться, слегка разочаровавшись.

— Даже без общения ты так вырос. Я не ошибся в тебе. Господин Цинь предложил добавить сцену с плачем, и я с нетерпением жду этого.

— Он даже не спросил моего согласия. Он всегда так поступает в съемочной группе?

Лю Шу было интересно, всегда ли Цинь И так неуважителен и самоволен.

Режиссер задумался на мгновение, а затем честно ответил:

— Мы впервые работаем вместе, но многие коллеги сотрудничали с Цинь И, и никто не говорил, что он самоволен. Хотя он сложный человек в общении и у него небольшой круг друзей, в таких вопросах он всегда советуется с другими и прислушивается к их мнению. Ведь он очень любит актерскую игру и никогда не относится к ней халатно.

— Почему он не может уважать меня!

Лю Шу ударил по гримерному столику, его лицо исказилось от злости.

— Ты не согласился? На самом деле, это хорошо, почему бы не подумать об этом?

— Я боюсь, что испорчу сцену, так что пусть он сам играет сцену с плачем. У него получится лучше.

— Ладно — я тоже хочу увидеть, как господин Цинь плачет. Раньше я видел это только по телевизору, а теперь увижу живую. Боюсь, что не сдержусь и сам заплачу.

Режиссер, представляя, как Цинь И будет плакать, начал ерзать от волнения.

Лю Шу был ошеломлен и на мгновение посмотрел на режиссера с новым уважением, словно заново узнавая его.

При первой встрече он был строгим режиссером, который ругал его десятки раз за одну съемку. А теперь этот человек перед ним... кокетничает?

— Как Цинь И предложил тебе это?

Ему очень хотелось знать, почему Цинь И так настаивал на сцене с плачем.

— Он сказал, что хочет увидеть, как ты плачешь.

Лю Шу холодно усмехнулся:

— Он не добьется своего.

Автор хочет сказать: Сегодня праздник Лаба~

<http://bllate.org/book/16834/1548602>